

ОТЗЫВ

официального оппонента Шумилина Михаила Владимировича на диссертацию Павловой Ольги Сергеевны «Латинская мореходная лексика в античности (опыт системного анализа)», представленную на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.14 — Классическая филология, византийская и новогреческая филология

Диссертация О.С. Павловой «Латинская мореходная лексика в античности (опыт системного анализа)» посвящена теме, актуальности и практической значимости которой могут позавидовать многие диссертации. Для специальной лексики даже в стандартных словарях латинского и греческого языка вроде OLD и LSJ соответствия часто оказываются подобраны очень приблизительно или заменены описаниями, так что часто, когда приходится иметь дело с античными текстами, имеющими дело со специальными техническими процессами вроде, скажем, работы за ткацким станком, обычных словарей оказывается недостаточно и приходится сначала обращаться к специальной литературе, описывающей устройство античного ткацкого станка и названия его деталей, вроде *Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste bei Griechen und Römern* Гуго Блюмнера, а затем искать какое-то русское описание ткацкого станка и подбирать в нем соответствие для подразумеваемой детали; иначе не узнаешь, что, например, упоминаемая в *Ou. Met. 6.55* деталь ткацкого станка под названием *harundo*, для которой словарь И.Х. Дворецкого и стандартный перевод С.В. Шервинского выбирают русское слово «бёрдо», а OLD — обтекаемую формулировку *a rod for separating the threads of the warp*, скорее соответствует (по крайней мере, по функции) русской «ремизке». Ситуация с лексикой, касающейся морского дела, примерно такая же, что хорошо видно по красочному примеру, приводимому диссидентом на с. 29, где автор стандартного на сегодняшний день русского перевода античного источника перевел латинское слово *prora* («нос») как «корма». Если мы хотим избавить грядущие поколения переводчиков от искушения подобным образом произвольно заменять одно слово из специального лексикона другим, как будто они взаимозаменяемы и все должны на самом деле просто передавать ощущение, что речь идет о чем-то техническом, а о чем — все равно никто не поймет, то нам нужен ряд посвященных разным специальным областям работ, в которых связанная с данной областью лексика не только рассматривается как система и соотносится с тем, как мы можем реконструировать стоящую за этой лексикой реальность, но еще и соотносится с соответствующей системой русского языка; и в конечном счете все это должно воплощаться в комментированные словари. И диссертация Ольги Сергеевны Павловой, на мой взгляд, является прекрасным образцом такой работы, поскольку в лице диссидентта мы как раз имеем дело одновременно и со знатоком реконструкций реальности римского морского дела, и со знатоком русской мореходной лексики. Поэтому настоящую работу, я думаю, следовало бы приветствовать, даже если бы Ольга Сергеевна последовательно опиралась в реконструкции собственно значений лексем на какую-то одну базовую иностранную работу; однако в реальности дело обстоит иначе: последней фундаментальной работой в области мореходной лексики, как указывает диссидентант

(автореферат, с. 4), является диссертация Эжена де Сен-Дени 1935 г. (*Le rôle de la mer dans la poésie latine*), выводы которой, очевидно, нуждаются в некотором уточнении уже хотя бы по причине развития подводной археологии, имевшего место с тех пор (Ольга Сергеевна, очевидно, имеет в виду, что работы Лайонела Кассона, на которые принято ссылаться в связи с техническими подробностями морского дела в англоязычных комментариях, посвящены не совсем тому же вопросу, что диссертация, поскольку Кассон занимается все же в первую очередь реконструкцией реальности античного морского дела, а не описывавшего его языка). Соответственно, Ольга Сергеевна оказывается вынуждена предпринять уже безусловно полноценное диссертационное исследование и системно пересмотреть и сам вопрос о том, какая реальность подразумевалась под каждым обсуждаемым словом, и в рамках этого пересмотра предлагает много остроумных и оригинальных уточнений к принятым в этой области взглядам. Для мировой лексикографии латинского языка системное изучение разных областей специальной лексики, конечно, также является весьма актуальным и перспективным направлением.

Первые две главы диссертации представляют собой, по сути дела, комментированный словарь связанной с морским делом лексики латинского языка, организованный по тематическому принципу. Обсуждая лексему, Ольга Сергеевна обращается к связанным с ней проблемам интерпретативного и текстологического характера и периодически предлагает для них новые решения. Из таких решений стоит отметить удачное и вполне убедительное уточнение к принятой в комментарии Н. Хорсфолла интерпретации слова *puppies* в *Verg. Aen. 2.276* в более узком значении (с. 31, прим. 143); остроумную и, возможно, верную конъектуру к тексту Авла Геллия на основе тесно перекликающегося с этим пассажем Геллия эпиграфического текста (с. 99-101); предположение, что *pitulus septemsem(i)odialis* – это не «человек, который задавал ритм “на семь с половиной долей”», как у Кассона, а «загребной, получавший полуторную месячную долю хлеба» (прилагательное так интерпретировал на основании соотнесения с письмом Сенеки в XIX в. Камиль де ля Берж, а Ольга Сергеевна добавляет сюда красивое наблюдение, что у Гигина, *Hug. Fab. 14.32*, место *pitulus*'а занимает Геркулес, которому скорее подобает быть загребным, чем отбивать ритм: с. 147-149); вполне убедительный тезис, что *dolator* – это не член экипажа, отвечавший за парус под названием «долон», как получается в интерпретации Джованны Монтанари, и не тот, кто обрубал абордажные крюки неприятелей, как получается у Кассона, а скорее просто плотник (с. 150 – в пользу этого тезиса можно было бы привлечь не только гlossenсы, но и само словарное значение глагола *dolo*, значение «наносить удары» для которого явно является шутливо-поэтическим, см. OLD s.u.); основанную на изобразительной параллели идею, что, описывая *carchesia* («блоки на топе мачты») как «похожие на букву F» (так в рукописях), Исидор или его источник на самом деле имеет в виду греческую букву Φ (с. 72-73; в качестве аргумента в пользу этого тезиса можно вспомнить о записанных латинскими буквами греческих словах и выражениях, напр., в заголовках разделов в рукописях Лукреция, в т.ч. в *codex Oblongus* IX в.); убедительное предположение, что гапакс Исидора *opisphora* соответствует упоминаемым в одном греческом папирусе ὅπιθοπέραι, т.е. контрабрасам (с. 57-58); уместное привлечение материала подводной археологии к

вопросу о значении термина *parastatae* (с. 45-46). Таких ценных маленьких наблюдений по тексту диссертации рассеяно много, я наверняка что-нибудь из них пропустил.

В результате обзора, сделанного в первых двух главах, диссертант получает в свое распоряжение, подразумевается, исчерпывающий список латинской мореходной лексики, что позволяет далее, в третьей главе, перейти к обобщениям и статистическим выкладкам, напр. о том, каков среди этих слов процент заимствований (правда, остается непонятным, почему, если этот список исчерпывающий, в дальнейшем тексте встречаются не входящие в него слова, характеризуемые как «термины», как, скажем, *hippago* = *hippagogos* на с. 200). Поскольку во многих случаях получилось, что понятие обозначается целым рядом синонимов, т.е. не удается выстроить идеальную систему, в которой соответствие между словами и реалиями было бы однозначным, Ольга Сергеевна разделяет здесь для объяснения этого факта мореходную лексику на несколько функциональных классов. В частности, она предполагает, что наряду с базовой касающейся морского дела лексикой, понятной всем, и профессиональной мореходной лексикой существовал также искусственно созданный литературой псевдомореходный язык. Это предположение представляется как разумным из общих соображений, так и хорошо подтверждаемым обсуждаемыми диссертантом фактами.

Четвертая глава диссертации посвящена тому, как мореходная лексика (не только «литературная») функционирует в латинских литературных текстах. Эта глава логичным образом дополняет предшествующую, потому что, если художественные намерения авторов так сильно вмешиваются в состав употребляемой ими мореходной лексики, то хочется разобраться, нельзя ли говорить о таком же влиянии художественных намерений и на употребление конкретного слова из мореходного лексикона в каждом отдельном случае. Хорошим примером такого влияния является первый же рассматриваемый здесь Ольгой Сергеевной пассаж (*Verg. Aen.* 9.119-122), где мне, правда, кажется, более удачной высказанная в диссертации выше идея о соотнесении *rostra* («таранов») кораблей с *rostra* («носами») дельфинов, при том что с дельфинами корабли тут же сравниваются (с. 79), а не предлагаемая в четвертой главе (с. 177) интерпретация, согласно которой слово *rostra* употреблено для установления связи с *facies* (диссертант переводит «лица») нимф, в которые корабли далее превращаются. Но, во-первых, как справедливо указывает комментарий Филипа Харди из кембриджской «желто-зеленой» серии (по-видимому, оставшийся недоступным Ольге Сергеевне), слово *facies* здесь скорее следует понять как «обличья» (значение, часто присущее этому слову в описаниях превращений: ср. особенно *Verg. Aen.* 1.658, 12.891, *Ou. Met.* 2.850, 4.126), а во-вторых, на лицах нимф все-таки нет никаких *rostra* (к человеческому лицу это слово применимо только в комических контекстах: *OLD s.u.*).

В целом, однако, как кажется, последовательного разбора случаев именно такого влияния из четвертой главы у Ольги Сергеевны не получилось (может быть, таких случаев просто вообще мало); вместо этого она ограничилась несколько формализованной классификацией функций употребления мореходной лексики в латинских литературных текстах, из-за чего эта глава на фоне остальных выглядит, пожалуй, менее эффектно. Тем не менее с тем, что хотя бы в таком виде эта глава все равно нужна, тоже не поспоришь, и все выводы главы выглядят вполне убедительно, в т.ч. и разобранный в отдельном разделе

сам по себе не очевидный тезис о том, что Цезарь в своих сочинениях по возможности избегает употребления профессиональной мореходной лексики.

Таким образом, я полагаю, можно говорить о том, что перед нами добротное научное сочинение, выводы которого являются обоснованными и достоверными и в значительной степени новыми; диссертация является законченной, цельной и логично построенной и содержит множество ценных наблюдений. По содержанию и оформлению можно предъявить только отдельные мелкие замечания.

На с. 82-83 употребляемое вергилиевским Латином слово *naualia* (*Aen.* 11.326-329: *bis denas Italo texamus robore naues; / seu pluris complere ualent, iacet omnis ad undam / materies: ipsi numerumque modumque carinis / praecipiant, nos aera, manus, naualia demus*) предлагается трактовать как «материалы для постройки судов». Так трактует это слово Сервий, считающий его в данном пассаже калькой с гомеровского *vñjōv*; Ольга Сергеевна пишет, что «у нас нет оснований не доверять Сервию». Но, как кажется, в этом случае как раз все обстоит сложнее. А.Э. Хаусмен писал, что нам следует относится с вниманием к интерпретациям схолиастов, потому что «они были не очень хорошо экипированы для понимания поэта в том, что касается головного мозга, но у них был для этого другой орган: они понимали его своим костным мозгом, который у них с поэтом был сделан из одного и того же вещества». Вероятно, нам действительно стоит воспринимать всерьез те интерпретации Сервия, где он полагается на свой (или своих предшественников в грамматической традиции) «костный мозг», т.е. чувство языка. Но здесь, как кажется, схолиаст явно пользуется исключительно своим головным мозгом и руководствуется не тем, что ему известно об употреблении слова *naualia* в латинском языке, а просто сопоставлением с гомеровским словом, которое показалось ему в данном случае подходящим по значению. Однако это умничанье грамматика в данном случае, вероятно, следует как раз считать излишним (как, собственно, и считают автор стандартного комментария к XI книге «Энеиды» Н. Хорсфолл, автор «лёбовского» английского перевода Г.Р. Фейрклаф и, кажется, OLD тоже – Ольга Сергеевна ссылается на 2-е значение слова *nauale* в OLD, введенное для контекста *Plin. NH* 16.52, но там все же речь, если доверять формулировке словаря *ship's tackle, naval equipment*, не совсем о строительном материале), потому что слово *naualia* и так имеет вполне уместное в данном тексте значение «доки, верфь» (ср. также тот факт, что древесина и медь для изготовления корабля уже упоминались в двух предшествующих строках, а также странность последовательности «медь, рабочие руки и стройматериалы»). Возможно, Ольга Сергеевна руководствуется высказываемым ею в другом месте сомнением, что слово *naualia* действительно могло обозначать «верфь», а не только «доки» (с. 138); как кажется, для решения этого вопроса следует обратиться к пассажу *Prop. 1.20.17-18*, *namque ferunt olim Pagasae naualibus Argo / egressam longe Phasidos isse uiam*: Арго, конечно, отплывает в Колхиду из верфи, а не из доков.

На с. 93 схожий недостаток критичности диссертант проявляет уже не к высказываниям схолиастов, а к тексту, печатаемому в научных изданиях, используя 46 фрагмент Невия (подразумевается нумерация Мореля, хотя это нигде не оговорено) *onerariae onustae stabant in flistris* как иллюстрацию того, что уже во время Невия слово *oneraria* употреблялось как субстантивированное прилагательное («грузовое судно»).

Однако фрагмент ограничивается этой строкой, и грамматики цитируют его как пример употребления слова *flistrum*, а не субстантивированного *oneraria*; соответственно, слово *naues*, к которому относилось бы прилагательное *onerariae*, вполне могло присутствовать в какой-то из утраченных соседних строк.

Аналогичным образом на с. 35-36 фрагмент «Анналов» Энния 492 (по Фалену, что также не оговаривается) приводится с точки зрения пунктуации в том виде, в каком его печатает Фален: *multa foro ponet (ponit Vahlen), et agea longa repletur*. Однако такой гекзаметр представляет серьезные метрические проблемы: если *agea* – это номинатив (как выходит в переводе диссертанта: «Много на палубу грузят: и длинный помост переполнен»), то приходится считать, что его финальный слог удлиняется перед буколической цезурой, что будет еще более странно, если учесть, что в этом стихе и так приходится постулировать удлинение слога перед пятитрехсложной цезурой. Сама Ольга Сергеевна, очевидно, колеблется по этому вопросу: на с. 35 она записывает номинатив слова *agea*, отмечая долготу только второго слова, но на с. 165 номинатив уже записан как бакхий (с вопросительным знаком и странным вариантом *ageum* через слэш); но, как указывает О. Скутч, если бы Энний почему-то считал это слово бакхием, он, вероятно, написал бы *longa repletur agea*. Здесь диссертанту следовало обратиться к более современным изданиям Скутча и Флореса и выяснить, что они ставят точку после слова *agea*, т.е. считают его ablativom и не относят к нему эпитет *longa*; если это не безусловно верное решение, то во всяком случае оно точно достойно серьезного рассмотрения. Это все, конечно, не противоречит тезису Ольги Сергеевны, что *agea* – это куршя (т.е. дощатый настил между скамьями гребцов), но, учитя описанную проблему, аргументацию можно было выстроить убедительнее, не создавая у читателя впечатления, что для нее (аргументации) важен эпитет *longa*.

Вообще в ряде случаев хочется пожалеть, что диссертант не пользовался тем или иным стандартным изданием. Конечно, постановка задач диссертации требовала работы с очень большим количеством источников, и мы все понимаем, что достать новейшие стандартные издания для них всех сразу может быть в отечественных условиях затруднительно; тем не менее при работе с «Анналами» Энния совершенно необходимо учитывать по крайней мере издание Скутча, при работе с «Энеидой» Вергилия сейчас лучше все же учитывать новое тойбнеровское издание Дж.Б. Конте; вероятно, работая с этимологиями, стоило учесть лейденский «Этимологический словарь латыни и других итальянских языков» М. де Вана (2008); наконец, при всей его труднодоступности, все же странно видеть работу по латинской лексикографии, в которой не используется *Thesaurus Linguae Latinae*.

Что касается Сервия, то следовало бы (по крайней мере, в обзоре истории вопроса) разделять собственно Сервия и «расширенного Сервия» (судя по библиографии, Ольге Сергеевне не был доступен «Гарвардский Сервий», издатели которого пытались разделять два корпуса более аккуратным образом, но даже по изданию Тило-Хагена, указанному в библиографии диссертации, разделить их, в принципе, можно: вставки «расширенного Сервия» там отмечаются курсивом). Это важно потому, что дополнения «расширенного Сервия» делались на основании какого-то более раннего комментария, вероятно IV века, использовавшегося самим Сервием (Э. Ранд и теперь А. Кэмерон доказывают, что это был комментарий Элия Доната). На самом деле среди упоминаемых

на с. 6 (прим. 15) диссертации пассажей, в которых Сервий делает утверждения о принадлежности слова к *sermo nauticus*, есть и такие, которые относятся к «расширенному Сервию», и такие, которые относятся к собственно Сервию: отсюда можно было сделать вывод, что и этот предшественник Сервия уже в IV веке, наряду с Тиберием Клавдием Донатом, оперировал этим понятием.

В работе есть также некоторое количество повторов, не все цитаты переведены, не все обсуждаемые контексты процитированы.

Думаю, не нужно пояснять, что все эти мелкие замечания никоим образом не умаляют очевидных достоинств этой замечательной диссертации; странно было бы, если бы в такой насыщенной работе не нашлось ничего дискуссионного. Диссертация является оригинальной работой, показывающей высокий научный уровень автора, и безусловно будет иметь весьма важное практическое применение; хотелось бы в скорейшем времени увидеть переработанную версию этой работы опубликованной в виде словаря. Автореферат и перечисленные в работе публикации полностью соответствуют содержанию диссертации.

Таким образом, диссертация Ольги Сергеевны Павловой «Латинская мореходная лексика в античности (опыт системного анализа)» на соискание ученой степени кандидата филологических наук является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи, имеющей существенное значение для классической филологии, а именно задачи систематического описания латинской мореходной лексики (в частности, в соотнесении с русской).

Диссертация соответствует требованиям п. 9 и 10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» ВАК Министерства образования и науки РФ, а ее автор заслуживает присуждения степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.14 — Классическая филология, византийская и новогреческая филология.

« 26 » ноября 2016 г.

Официальный оппонент

кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Школы
актуальных гуманитарных исследований
Института общественных наук ФГБОУ
высшего образования

«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
РФ» (РАНХиГС)

119571, г. Москва, просп. Вернадского, 82,
стр. 9

Тел.: (499) 956-96-47

e-mail: information@ranepa.ru

Шумилин Михаил Владимирович

З А В Е Р ЯЮ

(сведения об оппоненте на последней странице)

Шумилин Михаил Владимирович, кандидат филологических наук

Место работы: Школа актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук ФГБОУ высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (РАНХиГС)

Должность: старший научный сотрудник

Почтовый адрес: 124617, г. Москва, Зеленоград, корп. 1424, кв. 70

Электронная почта: mvshumilin@mail.ru

Публикации: (три публикации за последнее время)

Эллинистический источник рассказа Овидия о возникновении кораллов (Ov. Met. 4.740–752) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XX (2): Материалы чтений, посвященных памяти профессора Иосифа Моисеевича Тронского. 20–22 июня 2016 г. / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2016. С. 1081–1096.

Рецензия на книгу: Vergil. Aeneid Book XII / Ed. by R. Tarrant. Cambridge: Cambridge University Press, 2012 // Аристей. Т. XII. 2015. С. 296–321.

Hosidius Geta's Cento Medea: Vergilian Tragedy or Tragedy against Vergil? // Vergilius. Vol. 61. 2015. P. 131–156.